

С уходом различных орденов город Чуньтаньчэн постепенно возвращался к привычному укладу. В деревеньке, где временно расположилась академия Чанцэ, царила абсолютная тишина — даже посреди дня не слышно было щебета птиц.

Фэн Цяньсюэ собирался помочь Се Жэню упаковать вещи, но в этом деле он оказался совершенно беспомощен. Чем больше он старался, тем больший хаос устраивал: отличные одеяния превращались в мятые комочки. В итоге он просто бросил это занятие и с предельно невозмутимым видом уселся за стол пить чай.

Се Жэнь тут же прилип к нему. В последнее время он напоминал наполовину растаявшую солодовую тянучку: стоит себе, стоит, а потом вдруг завалится набок, обнимет за талию и затащит:

— А-Сюэ...

— Хм? — отозвался Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь уткнулся носом в его шею и пробормотал:

— Завтра я уезжаю. Ты должен часто обо мне думать.

— А ты будешь обо мне думать? — спросил Фэн Цяньсюэ.

— Конечно! Каждое мгновение буду думать!

— Отправляясь на гору Ханьшань, ты думаешь не об упорных тренировках, а о том, как тратить время на мысли обо мне... Ш-ш-ш!

Се Жэнь слегка прикусил зубами нежную кожу на его шее:

— Не цепляйся ко мне!

Фэн Цяньсюэ шлепнул его по голове, но, поддавшись чарующему глуховатому голосу, лишь нахмурился и позволил тому продолжать. В итоге на белой шее образовался двусмысленный красный след. Увидел бы это наставник — слег бы с приступом, а второй старший брат — у него зачесались бы кулаки.

Се Жэнь крепко сжал его в объятиях, чувствуя себя невероятно обделенным. Хоть решение пойти за владыкой Яоцзюэ он принял сам, чем ближе было расставание, тем меньше ему хотелось уходить. Наприлипавшись к шее, он переключился на мочку уха и тихо пробормотал:

— Почему тебе совсем... — «...не жаль со мной расставаться?»

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Это не так.

— Ты вчера вернулся глубокой ночью! — настаивал Се Жэнь.

— Я играл в шахматы со старшим братом.

— Я уезжаю, а ты играешь в шахматы!

Сказав это, Се Жэнь сам понял, насколько нелепо звучит претензия. Чтобы скрыть смущение,

он снова подался вперед и поцеловал его.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в алые тона вечерней зари. Фэн Цяньсюэ сидел на стуле, слегка запрокинув голову. Се Жэнь наклонился, уперся руками в подлокотники и заключил его в тесные объятия.

Вокруг слышался лишь шумящий ветер да их собственное страстное, прерывистое дыхание.

На следующее утро, еще до рассвета, владыка вместе с Се Жэнем отправился на гору Ханьшань. Их сопровождали Чжу Есюй и супруги Се.

Ощувив, что подушка рядом пуста, Фэн Цяньсюэ больше не мог спать. Он направился во дворец Луаньюй, чтобы передать приглашение Фэн Чучжи. Едва войдя в двери, он наткнулся на чью-то вороватую тень и окликнул:

— Цуй Ланчао!

— Ой! — Цуй Ванчао с улыбкой обернулся. — Высокочтимый бессмертный!

— Не называй меня так, — Фэн Цяньсюэ взглянул на жареные шашлычки у него в руках. — И почему ты ешь с таким видом, будто крадешь?

Услышав это, Цуй Ванчао плюхнулся на ступени:

— Весь этот месяц я прожил в смертельном страхе! Теперь, когда наконец-то... решился отпраздновать и съесть пару мясных шпажек.

— Когда наконец-то что?

— Наконец-то... наконец-то этот почтенный владыка ушел! — Цуй Ванчао понизил голос, не в силах сдержать накопившиеся жалобы. — Это просто ужас! Когда он рядом, нельзя допустить ни малейшей оплошности. Он как аптекарские весы: сказал «один» — значит, ровно один, ни на йоту меньше или больше!

Фэн Цяньсюэ произнес:

— Владыка Яоцюэ всегда был строг.

— Да я и не говорю, что он плох! От него исходит ослепительный свет и непреклонная праведность, а его духовные силы бездонны, как океан. Я тоже им искренне восхищаюсь, — сказал Цуй Ванчао. — Но я-то обычный смертный человек со своими слабостями — люблю вкусно поесть да полентяйничать. Не то что Се Жэнь... Вот уж кто действительно поразителен.

И силы у него невероятные, и выдерживать владыку Яоцюэ он способен — просто удивительно. Будь на его месте сам Цуй Ванчао, он бы трижды подумал, даже если бы за один шаг на гору Ханьшань ему предложили готовый престол владыки, не говоря уже об ученичестве.

Фэн Цяньсюэ вытащил из его руки одну шпажку с мясом:

— Неудивительно, что в последние дни ты усердно суетился и бегал туда-сюда. Я-то думал, ты изменился, а ты просто хотел выслужиться перед владыкой Яоцюэ.

— Какое там выслужиться! Это была самооборона! — поправил Цуй Ванчао. — У меня нет таких амбиций, как у Се Жэня... Ой-ой-ой!

Фэн Цяньсюэ с холодной угрозой ткнул его бамбуковой шпажкой:

— У А-Жэня тоже нет амбиций. Это называется ответственностью! Цуй Ланчао, если ты еще раз ляпнешь глупость, я лично вздерну тебя над костром, поджарю и продам!

Лицо Цуй Ванчао перекошилось от боли: «Ладно, ладно, я понял».

Гора Ханьшань уходила вершинами в самые облака. Три ее главных пика круглый год покоились под толщей снега, высясь величественно и неприступно.

Весть о возрождении владыки Яоцзюэ уже разнеслась по всему миру заклинателей, и город Поцзюнь не стал исключением. У городских ворот еще с ночи развесили шелковые транспаранты и ленты. В этот день горожане поднялись задолго до рассвета, нарядились в лучшие одежды и приготовились с почестями встречать владыку.

Однако они ждали и ждали, но даже когда солнце уже готовилось скрыться за горизонтом, сам виновник торжества так и не появился. Не приехали даже родители младшего господина Се, о которых ходили слухи, будто они обожают пышные пиры под открытым небом и уличных сказителей. Вся городская подготовка — столы с угощениями и театральные подмостки — пропала даром.

Впрочем, помещик Се и впрямь не прочь был поучаствовать в веселье, да вот только госпожа Нин оттащила его за ухо, громко пристыдив: «Сын отправляется на учебу в суровый, промерзший край, а ты думаешь только о пирушках?!»

Помещик Се поначалу возражал: «Что плохого в том, чтобы перенести немного лишений ради ученичества у самого владыки? По-моему, ты его просто чересчур избаловала».

Но едва зайдя в горы и увидев несколько соломенных лачуг, укрывшихся в ущелье, он и сам обомлел. При первой же возможности он отвел Чжу Есюя в сторону и весьма деликатно поинтересовался, не слишком ли тоскливо выглядит это жилище, и не стоит ли ему нанять мастеров, чтобы хотя бы заклеить щели в продуваемых окнах.

Чжу Есюй сказал:

— Сие место исполнено тишины и первозданной чистоты. Если затеять здесь масштабное строительство, это лишь повредит духовным истокам.

Услышав это, помещик Се невольно бросил взгляд на вершину горы. Там вовсю трудились пять тысяч заклинателей-строителей из клана Мо. Пусть очертания главного дворца еще не проглядывали, размах впечатлял: толстые бревна и золоченые балки были уложены идеальными рядами и вместе со снегом отражали солнечные лучи так ярко, что слепило глаза. «Это... это не называется "масштабным строительством"? А если я заклею сыну дырявое окно — то сразу "нельзя"?»

Впрочем, сам Се Жэнь не выказал особого недовольства по поводу жилья. Хотя он и вырос в богатстве и неге, от природы отличался беспечным и упрямым нравом. В академии Чанцэ его наказывали регулярно, так что он привык стоять на коленях даже во дворе для покаяний,

усыпанном острыми камнями, — что ему пронизывающий сквозняк?

Помещику Се оставалось только нарезать бумаги и заклеить сыну окна, пока госпожа Нин раскладывала его вещи. Солнце уже клонилось к западу, и супругам пора было спускаться с горы.

Се Жэнь, пожевывая свежий фрукт, недоуменно поднял со стола чайник:

— Эй, этот чайник из темного камня совсем не похож на то, что обычно покупает отец. Откуда он?

— Как откуда? Разве не ты прислал его домой с деревянной птицей? — удивилась госпожа Нин.

— Твой отец души в нем не чает, постоянно таскает в рукаве и при каждом удобном случае делает пару глотков. Вода в таком чайнике целые сутки не остывает. В горах сыро и холодно, так что оставь его себе на время учебы, чтобы всегда был под рукой кипяток.

Се Жэнь растерялся:

— Я прислал?

Он замер в полном замешательстве, точно помня, что ничего подобного не отправлял. Лишь расспросив мать подробнее, он осененно вспомнил, почему деревянная птица с письмом летела так тяжело и медленно.

Его сердце словно затопило медовое вино, в голове легко закружилось. Он поспешно переспросил:

— Это не мой подарок, это А-Сюэ прислал! Мама, а кроме чайника там еще что-то было?

— А твой отец-то как радовался! Выходит, это была не твоя сыновняя почтительность? — Госпожа Нин слегка покачала головой, не выдержав его напора. — Ладно-ладно, дай вспомнить... Вещей было немало: и духовные артефакты, и ценные снадобья, целиком заставили два больших стола!

Се Жэнь расплылся в глуповатой счастливой улыбке:

«Неудивительно, что он в тот вечер даже не дал мне взглянуть на деревянную птицу... Он тайком готовил подарки для моих родителей!»

— Мама, когда вернетесь домой, отправьте от моего имени кое-что в бессмертную обитель Циньай, хорошо? Не обязательно очень дорогое, главное — чтобы порадовать А-Сюэ.

— Раз уж отправлять подарки, то нельзя ограничиваться одним человеком! Нужно выразить уважение и владыке, и обоим высокочтимым бессмертным, — взялся за дело помещик Се. — Можешь быть спокоен, отец обо всем позаботится!

Ему и в голову не пришло задумываться, с чего бы двум семьям без всякого праздничного повода обмениваться дарами. Раз уж обещал сыну, сделать нужно по высшему разряду! И до самого вечера, уже покидая гору, он продолжал увлеченно обсуждать с супругой, что именно им стоит приобрести.